

Наталья ШЕМЕТОВА

33

Наталья Анатольевна Шеметова

33 (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24428200
33: роман, повесть, рассказы: Перо; Москва; 2017
ISBN 978-5-906961-58-7

Аннотация

От автора: Вы держите в руках самую искреннюю книгу. Каждая её страничка – душевный стриптиз. Но не пытайтесь отделить реальность от домысла – бесполезно. Роман «33» символичен, потому что последняя страница рукописи отпечатана как раз в день моего 33-летия. Рассказы и повесть написаны чуть позже. В 37 я решила-таки издать книгу. Зачем? Чтобы оставить после себя что-то, кроме постов-репостов, статусов, фоточек в соцсетях. Читайте, возможно, Вам даже понравится.

Содержание

33		5
	Предисловие	5
	Глава 1. Не Алёша	6
	Глава 2. Советский папа	11
	Глава 3. Брат и монстры из темноты	21
	Глава 4. Первая любовь Наташи	27
	Глава 5. Информация	44
	Глава 6. Выпускной	46
	Глава 7. Самый счастливый период	48
	Глава 8. Радио	66
	Конец ознакомительного фрагмента.	75

Наталья Шеметова
33: роман,
повесть, рассказы

© Шеметова Н.А., 2017

Предисловие

Мне 33. И у меня ничего нет. Вернее, есть всё, что большинство баб считают женским счастьем – любящий муж, ребёнок, удобная новая квартира, иностранная машина, любимая работа, весёлые друзья и даже больше. И спрашивается: чего тебе ещё нужно? А многие говорят: «с жиру бесишься». Но чувствую, что не мои это цели в жизни. Хотела бы стать Богом, на крайний случай – королевой или, как Ленин, таких дел натворить, чтоб потом веками помнили. И не в сырой страшной могиле гнить, а в мавзолее красивом мраморном лежать, и чтоб формалинчиком с запахом «Armand Basi» обтирали, и макияж каждый день поправляли, и причёску делали, а подростки футболки с фейсом моим, а не Че Гевары носили.

Глава 1. Не Алёша

Родилась я в обычном роддоме сырым, хмурым весенним утром. Меня никто не ждал, ждали Алёшу, а когда появилась я, мама очень расстроилась. Долго не могли придумать мне имя. В конце концов согласились с бабушкой и назвали Наташей.

Продолжая отмечать рождение первенца, папа пошёл регистрировать меня.

– Как запишем «ья» или «ия», – спросила сотрудница ЗАГСа.

– А? – в недоумении папа тряс похмельной головой.

– Я спрашиваю, как регистрировать дочку будем, папаша, Наталия или Наталья? – настаивала женщина.

– Да я, вроде, сказал «Наташа».

– Вот я и спрашиваю «ья» или «ия»? – начала злиться регистратор.

– Ну «ия», – пробурчал незадачливый отец, не понимая, чего от него хотят, и сказав это лишь для того, чтоб злая тётка отстала. Единственное, чего он хотел сейчас, – выйти из душного помещения и похмелиться холодной бутылочкой пивка.

– Хорошо, так и запишем.

В итоге моё имя звучит «Натали» – на французский манер. Понятное дело, никто меня так не называл. Какая ещё

Натали в Советском Союзе!

В полтора года я отлично разговаривала (даже раскати-сто отчётливо повторяла трудное для всех детей слово «трактор») и постоянно вгоняла в краску маму, потому что с присущей всем детям непосредственностью говорила правду. А правда была, например, такая. Ехали мы с мамой в троллейбусе из поликлиники. Был у меня цистит. Добрая тётенька, умиляясь, приблизила своё морщинистое лицо ко мне, сидящей у мамы на коленях.

– Ути-пути, какая красивая девочка! Куда едешь?

– Домой еду из больницы.

– А что у тебя болит, девочка?

– Писька-а-а!

На мой вопль головы повернули все пассажиры. А мама, покрываясь багровыми пятнами, схватила меня в охапку и выскочила на ближайшей остановке. До дома мы шли пешком, и мама орала на меня, а я не понимала, за что. Ведь я всего лишь ответила на вопрос. Но даже после этого случая я не перестала говорить правду.

Как-то мы были в гостях у маминой подруги. Мама и тётя Ирина что-то обсуждали и хихикали, им было не до меня, а мне – не до них. Но тут на кухонном столе начали появляться разные чашечки и тарелочки с чем-то вкусным. Ставя очередную порцию салата на стол, тётя Ирина обратилась ко мне:

– Наташа, будешь булочку с повидлом?

– Конечно. Дома-то меня не кормят.

Тётя Ирина вопросительно посмотрела на маму, а потом они вместе долго смеялись. Не понимаю, что может быть смешного в том, что ребёнок хочет есть. Странно, но в этот раз от мамы мне не влетело, она меня даже не поругала. Мне не только дали булочку, передо мной поставили дымящиеся тарелки с вкусным супом и картошкой с сосиской.

Играть я любила одна. Мне не было скучно. Обычно я накрывала стол одеялом, забиралась внутрь и разговаривала разными голосами за куклу-маму, куклу-папу, куклу-дочку. Очень не любила, если кто-то из взрослых вмешивался со всякой глупостью в устроенный мной «подстольный» мир.

Мама с папой часто ругались и даже дрались. Если папа приходил с работы с прозрачными, как у рыбы, глазами, это заканчивалось всегда плохо. Сначала они ругались, потом дрались, а потом мы с мамой ехали в автобусе к бабушке, где мне приходилось спать на жёсткой неудобной кровати, в комнате с запахом нафталина. Утром мама уходила на работу, а я оставалась с бабушкой. У неё болели ноги, и она целый день до прихода мамы дремала на диване. Я была не против – даже хорошо, что никто не достаёт. Я только боялась, что бабушка вдруг умрёт и мне придётся сидеть с трупом до вечера, поэтому время от времени трогала её за руку и просила открыть глаза. Убедившись, что бабушка не умерла, я погружалась в свой мир.

Жили мы у бабушки несколько дней, а потом приходил

папа и забирал нас домой. Я вообще очень часто жила у бабушек. Потому что мама работала на двух работах, папа работал на одной, а вечерами бухал.

Помню, как мы с бабулей сидели на крылечке дома, пили травяной чай из больших стаканов и пели песню «Ой, мороз, мороз, не морозь меня». Я тогда спросила: «Бабусь, когда ты умрёшь, я приду к тебе на могилку, ты выйдешь. И мы будем пить с тобой чай и петь песни?». «Конечно, Наташа, я обязательно выйду», – сказала бабушка, и её рот растянулся в беззубой улыбке, а глаза стали влажными. Ночью у меня поднялась высокая температура, и я видела красного кролика. Когда я выздоровела, меня отправили в садик. Ходить туда я не любила, из-за «тихого часа». Спать в обед мне совсем не хотелось, а лежать с закрытыми глазами, два часа изображая спящую, было скучно. Ещё меня забирали из сада самой последней, а иногда вообще забывали забрать. Один раз, так и не дождавшись моих родителей, мы с воспитательницей шли домой. Нина Васильевна привела меня, когда было уже темно – осень, а дома – никого. Она оставила меня соседке и ушла. Соседка, тётя Женя, открыла запасным ключом дверь нашей квартиры и сказала, чтобы я сидела и дожидалась родителей. Я включила во всех комнатах свет и телевизор. Мне было грустно и страшно. И вдруг неожиданно свет погас. В ужасе я стала метаться по квартире, ища выход. Наконец выбежала на улицу. Здесь мне стало спокойнее, и я пошла в парк. Атракционы не работали, из тёмных ку-

стов доносились пьяные вопли шпаны. Но мне уже было не страшно. Разве сравнятся монстры, затаившиеся в шкафах и под кроватью, с пьяными пацанами. Я гуляла довольно долго, потом замёрзла и решила пойти домой, в надежде на то, что свет дали и родители вернулись. Поворачивая на свою улицу, увидела маму, несущуюся на меня с фонарём в руках.

– Ты где шляешься, идиотка?! Я чуть с ума не сошла!!! Совсем мамку свою не жалеешь. А ну марш домой!!! – хоть мама орала, как резаная, я поняла, что она рада меня видеть.

– Выключили свет, я боялась одна в темноте и решила погулять.

– Вот уж поистине идиотка!!! Что же дома страшного? А по улицам ночью шляться не страшно?

Глава 2. Советский папа

Наша квартира всегда была завалена красками, холстами, картинами, кистями. Мой папа – художник. Его картины никто не покупал, но я верила в его гениальность. Мне его картины нравились, но чего-то в них не хватало.

Когда я стану взрослой, то спрошу: «Пап, а почему ты всегда рисуешь только природу? Разве не хочешь нарисовать что-то необычное?». Папа в недоумении спросит: «А что именно?». Я отвечу: «Например, чёрную кошку в чёрном подвале или бездну». Потом, когда его картины начнут покупать, он нарисует и кошку, и бездну, но они так и останутся висеть на стене арт-салона. Люди предпочитают приобретать простенькие, понятные глазу пейзажи. Им не понять, что два светящихся глаза на большом чёрном фоне – это и есть чёрная кошка в чёрном подвале, а воронка с чёрным дном и кругами самых мрачных оттенков – это бездна. Возможно, такую воронку человек видит перед смертью и его затягивает туда. Я, как замороженная, смотрела на эти картины. Они притягивали меня. Я задумывалась, отчего люди так примитивны в своём большинстве. Почему всё, что за гранью понимания, отвергается ими. Мне же, наоборот, всегда хотелось «за грань».

На мою свадьбу папа подарил мне не деньги в конверте и не ублюдочный сервиз, а картину. На ней был нарисован ухо-

дующий поезд, в конце тоннеля маячил слабый жёлтый свет. Я знала, что эту картину он рисовал специально для меня. Поэтому она мне очень дорога, дороже всех подарков.

Папа, как и полагается гениальным, неординарным личностям, много пьющим, обладающим тонкой ранимой психикой, умер молодым. Картина висит у меня в спальне, несмотря на вопли мамы немедленно снять «эту депрессию» со стены. Ни за что не сниму. Потому что эта картина отражает мой внутренний мир – мрачный, но со светом в конце тоннеля. А ещё, разгребая старые вещи после его смерти, мы с мамой в шкафу обнаружили рисунки, сделанные простым карандашом и акварельными красками. На обычных листах А4 были нарисованы женщины, и в каждой из них узнавались черты моей мамы. «Мам, он в каждой женщине видел тебя», – сказала я и замолчала. Мама размышляла, что делать с рисунками. Она бы выкинула их, но, видимо, не захотела это делать при мне, поэтому просто сгребла их в кучу и сунула обратно в шкаф. Может, после моего ухода избавилась от них.

Когда папа рисовал, то почти всегда курил. Он зажимал «Космос» в зубах и прищуривал левый глаз от дыма. Я любила наблюдать за его работой: на чистом холсте появлялись речушки и берёзки, домишки и заборы, тропинки, уходящие далеко-далеко...

Как-то папа потерял меня на демонстрации. Это был Первоймай.

– Одевайся теплей, Наташа, на улице не месяц май! – кричала с кухни мама.

– А ты смотри не лопай. За ребёнка отвечаешь. И чтоб недолго.

Мы двинулись на демонстрацию. На мне – смешное пальтишко и колготки, собравшиеся гармошкой на коленях. В руках – ветка берёзы с наклеенными на неё бумажными цветами. Папа работал на заводе (тогда все работали на заводах, а кто там не работал, зарабатывали деньги). Народу было море, ехали наряженные КАМАЗы, из которых торчали головы орущих детей.

– Хочешь на машинке покататься? – спросил отец.

– Нет, я боюсь, – но добрый папа уже подсаживал меня в кузов машины.

Я орала истошным голосом, слёзы текли по моим щекам. Наконец он стащил меня с машины, и мы пошли в колонне. Скоро мне эта толкотня надоела. Я хотела домой. Но тут папа ринулся навстречу рыжебородому здоровенному дядьке. Они стали обниматься и хлопать друг друга по плечам. А потом мы пришли в квартиру. Там было накурено, а за столом сидели дяди. Мне включили фильм про трёх мушкетёров и дали шоколадку. Я была рада, что нет толпы, орущих детей и КАМАЗов, и можно спокойно посидеть одной. К тому же фильм интересный и шоколадки я люблю. Я грызла «Алёнку» и смотрела влюблёнными глазами на Д Артаньяна. Кончился фильм и шоколад. За окном стало темно. С кухни до-

носились пьяные вопли под гитару «Листья желтые над городом кружатся». Это любимая песня моего отца. Он пел её в любое время года и пьяный, и трезвый. В животе заурчало. Я вспомнила про кашу, от которой отказалась с утра.

– Пап, пойдём домой, – сказала я, просовывая голову в сизый дым кухни.

– Пойдём, Толян, – поддержал рыжебородый. – У нас как раз водка кончилась.

И мы пошли. Весёлые и пьяные люди бродили по городу. В компании папы и его пьяных дружков мы дошли до магазина, меня оставили на улице, велели подождать. Я стала рассматривать вывески на магазинах и лица довольных прохожих. Прошлась вокруг магазина туда и обратно, поковыряла палкой землю, заглянула в мусорку – папы не было. Подождав ещё немного, я поняла, что он уже не придёт и пошла домой одна: шла, останавливалась на перекрёстках, дожидаясь, пока загорится зелёный. Я устала и очень хотела есть.

– Тётя, я потерялась. Меня зовут Наташа. Мой адрес: улица Невского, дом 2, квартира 3, – отпраповала я женщине с красными губами, в белом платье в голубой горох.

– Ой, какая умничка! Пойдём, детка, я тебя отведу.

– А где твои родители? – спросила добросердечная тётя (в те времена все были добрыми, или мне так казалось).

– Папа ушёл за водкой и пропал, мама, наверное, дома, плачет и ждёт меня, – как всегда правдиво ответила я.

В сопровождении голубогороховой я добралась до дома.

Мама стояла на улице и плакала. Увидев меня, подбежала и обняла.

– Опять нажрался твой папка! Так и знала! И про ребёнка забыл! Скотина! – причитала мама.

Я махала доброй тёте из-за маминого плеча.

В детстве я любила праздники, особенно Новый год. Новый 1989-й я запомнила надолго. Утром папа принёс ароматную ёлку до самого потолка, мы с бабушкой наряжали её. В доме стоял елово-пирогово-мандариновый аромат. Вечером отец развёл костёр во дворе – собирались делать шашлыки. Бабушка с мамой накрывали на стол. Я бегала вокруг костра с соседскими мальчишками. Папа в сарае вытачивал мне колечко – подарок на Новый год. Иногда он выходил из сарая, чтобы подкинуть дровишек в костёр, и глаза его всё больше становились похожими на рыбы. Я понимала, что он напивается. Видимо, он стащил припасённую для праздничного стола бутылку и попивал её в сарае.

– Пап, а пап, ну когда колечко будет готово?

– Скоро, Наташа, ещё чуть-чуть.

– Я хочу, чтоб с цветочком.

– Будет тебе цветочек.

– Толь, когда начнёшь готовить шашлык? Время уже 11 – скоро за стол, – вышла на улицу мама.

– Сейчас, неси блюдо с замоченным мясом, – неуверенным голосом забасил папа.

– Да ты никак уже нажрался! – мамин голос срывался на

крик.

– Где бутылку припрятал? А ну отдавай! – и мама ринулась в сарай.

– Мам, он мне колечко делает! – пыталась я уладить ситуацию.

– Колечко... Дура ты! Глотку он тут заливает. Плевать он хотел на тебя и твоё колечко! – орала мама.

– Неправда! Вот оно, колечко! – и я, пытаюсь оправдать папу, вытащила из тисков тоненький ободок. Мне не хотелось, чтобы был испорчен любимый мой праздник.

– Говно это, а не колечко! – не обращая внимания на меня, мама искала початую бутылку, хлопала дверями шкафов и заглядывала под токарный станок.

– Ах, скотина, всю уже выжрал! Алкоголик несчастный! – орала мама, потрясая пустой «Столичной» у него перед носом.

Я, зажав колечко в ладони, убежала домой. Бабушка, скрестив руки на коленях, сидела за накрытым столом. Дед ворчал в спальне. Через некоторое время, переругиваясь, зашли мои родители, и началась очередная сцена.

– Давайте за стол садиться. Новый год ведь, – пыталась я исправить ситуацию.

Но не тут-то было! В спор включился дед.

– Что ты орёшь, как ненормальная. Выпить мужик по-твоему не может в Новый год. Жалко тебе что ли... – вступился он за папу.

– Жалко у пчёлки, а пчёлка на ёлке, – вставила мама свою любимую поговорку. – Да вы все – алкаш на алкаше, отец мой тоже алкаш, пил да мать бил! Думала, замуж выйду, избавлюсь от всего этого. А, что говорить... хрен на хрен менять... – не унималась мама.

– И что же ты в этот хрен вцепилась, проститутка? – дед двинулся на маму.

– Да на хрен мне твой хрен нужен! Правда глаза колет!!! Вам, наглецам, ссы в глаза – всё божья роса!

– Заткнись! – дед двинулся на маму и топнул больной ногой, так что лицо его исказилось от боли.

Мать отпрыгнула на безопасное расстояние. Бабушка встала между мамой и дедушкой. Я поняла, что праздник безвозвратно испорчен, и заревела.

– Коль, Люб, успокойтесь. Праздник всё-таки. Вот ребёнка напугали. – Не плачь, Наташенька, – пыталась урегулировать ситуацию бабушка. Но куда там...

– Деда-деда, попляши, твои ножки хороши! – пропела мама и расхохоталась из-за бабушкиного плеча.

– Убью, сука!!! – у деда на губах выступила пена.

Мама ретировалась в комнату, где, распространяя запах перегара, дрых папа.

Пробило 12. Из чёрно-белого «Горизонта» Михаил Сергеевич Горбачёв поздравлял граждан Советского Союза с Новым годом. Бабушка налила два стакана лимонада.

– Давай, Наташа, за Новый год, не плачь, – она звякнула

хрусталём с лимонадом по моему стакану.

Дед из общей миски поглощал оливье, прикусывая толстым куском пшеничного. Из спальни доносились всхлипывания мамы. Мы с бабушкой съели по пирожку, допили лимонад, выключили телевизор и легли спать вдвоём на её однопалку. Перед сном я надела на безымянный палец колечко с недоделанным цветочком. Это был самый запоминающийся Новый год в моей жизни.

Но больше Нового года я любила лето. Летом мы с папой ездили на рыбалку. Мы вставали ещё затемно, папа садился за руль мотоцикла «Иж-Юпитер-5», а я – в коляску и ехали на пруд. Зимой папа ездил на зимнюю рыбалку, но мама меня не отпускала. И я довольствовалась испытанием блёсен в ванной. Их папа вытачивал сам на том же станке, что и колечко.

Над прудом стоял густой туман, медленно окрашивалось в розовый цвет небо, квакали лягушки. Папа бережно раскладывал снасти. Мы вместе насаживали червей и закидывали удочки. Ещё надо было подкидывать в воду варёную перловку, чтобы приманить рыбу. Когда клевало, я тащила удочку. Очень бережно, чтобы не порвать рот рыбине, я снимала её с крючка и отпускала в таз с водой. В обед мы раскладывали на газете варёные яйца, огурцы и помидоры, папа вытаскивал из внутреннего кармана пузырёк от бабушкиного лекарства и хитро посматривал на меня. Я знала, что там был вовсе не муравьиный спирт, а водка. Он отлил её специально в

этот пузырёк, чтобы мама не засекала. Одним глотком он выпивал содержимое пузырька и рукавом вытирал усы. Потом мы хрустели огурцами и уминали варёные яйца. Рыбы мирно плавали в тазу. Мы привозили их домой, я наливала в ванну воды и выпускала туда карасей. Не могли же рыбы жить в пустой ванне. Им, как и людям, нужен комфорт. Для создания настоящего интерьера подводного мира я приносила с улицы песок, засаживала дно ванны травой, выловленной в пруду. Перевернутый таз служил спальней для рыб, под его тенью было темно и уютно. Я откапывала в огороде червей и кормила ими рыб в ванной. Больше всего бесновалась по этому поводу мама. «Опять безобразие развели! Не помыться нормально, не постирать», – нудела она. Её терпения хватало ненадолго. Ещё она отказывалась понимать, что рыбу ловят не для того, чтобы есть, – интересен сам процесс.

Убивать живность – это преступление не меньшее, чем убийство человека, может, даже и большее. У убийцы человека всегда есть мотивация. Например, муж может убить любовника жены и будет прав. Почему какой-то мудака пользуется его женщиной? Рыбы никому не причинили личного вреда, поэтому убивать их – преступление. Это сейчас я так думаю. А тогда я просто чувствовала, что убивать рыбу – это плохо. Ведь в магазине можно купить уже убитую кем-то рыбу, не совершая преступления самому. Более того, меня волновал и другой моральный аспект. Маленькие карасики – чьи-то детки, и их мамы сейчас плачут и ищут

своих мальшей среди илстых камней.

В банке с водой мы везли рыб на тот же пруд, где выловили их неделю назад (кстати, за это время они успевали отъестся жирными червями и значительно подрасти). Там мы торжественно выпускали детишек к их родителям. С чувством выполненного долга, довольные и счастливые, мы ехали домой, и было жарко под мотоциклетным шлемом.

Глава 3. Брат и монстры из темноты

В целом у меня было хорошее детство. По утрам в выходные мама жарила вкусную картошку, а бабушка пекла ароматные блинчики. Иногда у мамы ко мне просыпалась бурная нежность. Она сажала меня к себе на колени и, приговаривая «нецененненький глазочек, поцелуй меня разочек», тыкалась мокрыми губами в мой нос. Я не любила всех этих нежностей и всячески уворачивалась от назойливых поцелуев.

– Ну и иди от меня! Что ж ты такая неласковая! – начинала злиться мама.

С рождением брата (которого называли, конечно, Алёшей) всё стало плохо. Я его не любила, потому что меня заставляли с ним сидеть. Нужно было качать кроватку, давать ему соску и т. д. А один раз он обоссрался. Я была этому рада, потому что он перестал орать и занялся своими какашками. Я наблюдала за его вознёй издали. Братик сначала размазал коричневую кашу по матрасу, потом обмазал каждую перекладину в кроватке. Какое-то время он пристально рассматривал свои руки и наконец начал их облизывать. На это спокойно я смотреть уже не смогла и побежала в туалет, где меня вырвало. Потом пришла мама и ругала меня за то, что я не убрала за братом какашки и он их наелся, да к тому же вымазал всю кровать, в квартире стояла вонь. Она меня во-

обще часто ругала за брата. Потом я отомстила брату за то, что приходилось возиться с ним, вместо того чтобы гулять с подружками на улице, за бессонные ночи, когда вместо просмотра интересных фильмов по телеку мне приходилось качать его. Возможно, нужно было мстить маме, которая вешала на меня брата. Но её можно понять: она работала и уставала, поэтому ей была необходима моя помощь. Месть моя была страшна. Я придумала злого волшебника по имени Клюва. Он чудодейственным способом готовил разноцветные вкуснейшие напитки. Я заходила в ванную, закрывала дверь. Под ванной у меня хранилась палитра акварели, хрустальный красивый бокал. Я включала воду и начинала бормотать что-то невнятное грубым голосом. Брат в истерике пытался проникнуть в ванную, чтобы увидеть волшебника Клюву и узнать секрет приготовления волшебного напитка. Но куда там – дверь была плотно закрыта. Не прекращая бубнить и завывать, я добавляла краску в стакан с водой. Цвета получались яркие и насыщенные. Учитывая, что во времена Советского Союза был только лимонад «Буратино», мои адские коктейли всех цветов и даже черного производили на четырёхлетнего брата неизгладимое впечатление. Я торжественно выходила из ванной, неся чудо-коктейль высоко над головой. Брат подпрыгивал и плакал, пытаясь вырвать бокал из моих рук, но я была непреклонна. С улыбкой злого гения я выпивала этот коктейль, изображая наслаждение. Представляете, чего мне это стоило? Ведь пить окрашенную акваре-

лью воду – мало приятного. Но я та ещё актриса. Ради слёз брата я готова была и на большее. Алёше так хотелось попробовать этот чудо-напиток и разгадать тайну его появления. Он забегал потом в ванную, пытаясь обнаружить следы пребывания там волшебника Клювы, но я, хитрая, все атрибуты немедленно прятала. Так я изводила его довольно долго и ни разу не раскололась. Только спустя много лет, когда брат вырос в хулигана и алкоголика, я рассказала ему тайну происхождения коктейля.

В один из дней, чтобы не сидеть с братом, я закатила истерику (любимое мамино выражение). Я валялась по полу, стучала ногами, билась головой.

– А-а-а, вот ты как! Над матерью издеваешься! А ну вставай быстро!

– Ты, мамочка, дура, дура, дура!

– А ну прекрати сейчас же орать, истеричка! Не то я тебя быстро заткну! – с этими словами мама потащила меня к шкафу и швырнула в темноту пыльных тряпок. Ключ повернулся в замке.

– Успокоишься, тогда открою, – заключила она.

– Мамочка, мамулечка, открой, я больше так не буду! Я боюсь! – вопила я осипшим голосом.

– Я сикать хочу, открой, мама, пожалуйста!

– Потерпишь, ни хрена с тобой не случится, – услышала уже в отдалении её голос.

У меня началась настоящая паника. Я зажмурила глаза с

такой силой, что увидела ярко-красный свет. По ногам потекла тёплая струйка. Паника была такая, что я не могла кричать, только беззвучно открывала рот (так бывает во сне). Я села на крышку швейной машинки, которая стояла в шкафу. От мокрых трусов попа стала холодной. Если бы мама знала, как часто я открывала этот шкаф и с ужасом заглядывала внутрь, боясь обитающих там монстров. Сейчас монстры обступили меня и тянули свои корявые крепдешиновые рукава к моему лицу, трогали за ноги нейлоновыми чулками. Я была с ними один на один. И не скрыться от них в безопасном парке. Мне казалось, я просидела так в мокрых трусах с замуренными глазами целую вечность. И вот кто-то хватает меня за шиворот и вытаскивает на свет.

– Ну что успокоилась, идиотка? Да ты и правда обоссалась... – я открыла глаза. Мама криво усмехалась.

– Эх, бесстыжая! Теперь весь шкаф провоняет. А ну, бери тряпку и убирай за собой.

Я поплелась на кухню за тряпкой. Мне было всё равно, что она сейчас говорила, главное – больше не угрожали монстры из темноты.

Я до сих пор не езжу в лифте, даже если нужно подниматься на 9-й этаж. И если отключают свет, то немедленно ухожу из дома. Ещё я боюсь собак, даже самых маленьких. Как-то в первом классе, спасаясь от бешеной собаки, я забралась на столб, и мне пришлось просидеть там до вечера, пока родители не кинулись меня искать. К тому времени ноги у меня

затекли, а я боялась пошевелиться, потому что чёрная псина с обрубленным хвостом и пеной у пасти сидела внизу и злобно рычала. Так в детстве я нажила себе сразу несколько фобий – клаустро-афенфозм-кинесофобию. Название ещё одной фобии я не нашла даже в Интернете. Был у нас утюг, такой чугунный, старый. Вот его я боялась даже больше собак. Стоял утюг за шкафом. Если я оставалась дома одна, то всегда в поле зрения держала этот утюг, мне казалось, что он соскочит со своей подставки, поедет на меня и будет долго утюжить. Я даже слышала его хриловатый голос. Засыпая одна в комнате, подолгу вглядывалась в угол, где стоял утюг. Но я знала универсальное средство от утюга и других монстров из темноты. Нужно было плотно накрыться одеялом с головой, заткнуть все щели, чтоб даже нос не торчал наружу, и тогда никакие монстры туда не проберутся и утюг не придет. Так я и делала всегда. Особенно было плохо летом. Я задыхалась от жары под толстым одеялом, но терпела, ведь что такое жара по сравнению с монстром-утюгом.

В 7 лет я впервые всерьёз задумалась о смерти. Как-то, копаясь в огороде, я подняла с земли яблоко и только хотела его откусить, как бабушка вырвала его из моих рук и строго сказала, что если есть грязные яблоки, то можно заболеть столбняком и умереть. Я верила ей на слово. Это я сейчас знаю, что столбняком можно заболеть, если этот вирус попадёт в кровь через грязь, к тому же, чтоб умереть от этой болезни, нужно ещё постараться, ведь сейчас от столб-

няка делают прививки. Мы с бабушкой зашли домой, я уже расхотела есть, даже чистое яблоко. Мама наполняла ванну, а я всё думала о смерти. С тяжёлыми мыслями я погрузилась в тёплую воду. Ванна была старая. В трещинах, затейливо переплетающихся, вырисовывались страшные картинки. Вот ведьма с лохматыми волосами на метле летит, и горы перед ней расступаются, вот из темницы через зарешеченное окошко высунул нос Кощей...

Я поняла, что если смотреть на трещины с другой стороны, то картинка меняется, а вообще можно увидеть всё что угодно, главное – смотреть. Мне всегда виделись страшные картинки. То же самое я стала проделывать с трещинами на потолке. Я рисовала в своём воображении целую сказку из трещин. Мне моё открытие понравилось, но я об этом никому не рассказывала.

О смерти я продолжала думать. А однажды увидела, как хоронят соседа. Он по пьянке замёрз в луже прямо около дома. Я смотрела сверху, как несли гроб, из которого торчал синий нос соседа-алкаша. И заплакала, вспомнив, как он выхаживал собачку и её кутят, а мне разрешал их кормить и гладить.

Глава 4. Первая любовь Наташи

До 5-го класса я жила в центре города с бабушкой, дедушкой, мамой и папой в большой трёхкомнатной квартире и ходила в школу, которая находилась прямо под нашими окнами. Потом мама получила «однушку» в посёлке и безумно этим гордилась. Переезжать туда мне совсем не хотелось. У меня были друзья, авторитет в школе и даже мальчик, которого я втайне любила. Он был меньше меня ростом, щупленький такой и губки бантиком. Когда мы оставались за дежурных по классу, я поднимала его на руках, чтобы он смог вытереть доску.

Зимой темнело рано, и после дежурства я шла провожать его домой. Потом он провожал меня. Иногда это продолжалось очень долго. Наши родители начинали волноваться и выходили нас искать. Строгая учительница, классическая Марь Иванна, старая дева, даже приходила к нам домой. После этого с бабушкой у нас состоялся серьёзный разговор. В итоге нас с любимым рассадили по разным партам, и я очень переживала.

Зимой мы с подружкой катались на коньках и даже ставили танцы, как настоящие фигуристки. Дома из дождика я смастерила себе юбку, как у самой Татьяны Тотьмяниной. Одним словом, я жила своей интересной, насыщенной жизнью, поэтому переезжать из города в деревню наотрез отка-

залась.

Мама с отцом и младшим братом переехали в «однушку». К нам они приезжали в гости на выходные. Никто не ругался, и всё было просто замечательно. Потом мама вдруг решила, что это неправильно, когда ребёнок при живых родителях живёт отдельно от них, и насильно перевезла меня к себе в квартиру, в посёлок Л. Мне там не нравилось всё. Не нравилась тесная квартира, не нравился двор, не нравились люди. На первом этаже жили алкаши, которые торговали самогонкой (в посёлке Л. этим многие занимались). Моя мама в скором времени тоже пристрастилась к этому прибыльному делу. Поэтому в ванной у нас стояла бочка с брагой, которая источала зловонный, кисло-сладкий запах. Я научилась определять качество самогонки, познала мастерство её изготовления. В 6 утра мама будила меня, ставила самогонный аппарат на плиту, подсоединяла шланги и уходила на работу. Мне нужно было следить за напором холодной воды, потому что перегревание было недопустимо – бачок мог просто взорваться. Качество первака определялось степенью горения. Достаточно было капнуть на стол чуток алкоголя и поднести к нему спичку. Если огненная вода горела хорошо, значит первак отменный, если слабо, то – не очень, если вообще не загоралась, то в технологии была допущена ошибка. Тогда нужно было отключить сначала газ, а через некоторое время – воду и именно в такой последовательности. Так в свои неполные 13 лет я познала премудрости самогонварения.

С 8 утра с чекушками в трясущихся руках в дверь звонили алкаши. За червонец я наливала стопарик, за сороковник – бутылку. Деньги я аккуратно складывала в тумбочку под замок. Деньги мама всегда прятала и запирала на ключ, чтобы брат не стырил. Доступ к ключу был только у мамы и у меня, потому что я деньги не воровала.

На втором этаже нашего дома жила колдунья. Её квартира, пропахшая ладаном, была уставлена иконами, увешана крестами и зеркалами. С утра у подъезда собирались желающие узнать своё будущее и смертельно больные, надеющиеся на излечение. На третьем этаже располагалась общага. На четвёртом жили мы. Запах ладана и самогонки преследовал меня всякий раз, как я выходила из дома. Но это всё ерунда по сравнению с тем, что мне пришлось пережить, когда я пришла в новую школу, в 7-й класс.

– Это наша новая ученица, Наташа, – представила меня классный руководитель. – Теперь она будет учиться в нашем классе. Садись вот сюда, – и она указала мне на место рядом с симпатичным, черноглазым пареньком хулиганистого вида.

Прийти в 7-й класс со сложившимся коллективом – это не просто. Ты сразу становишься изгоем. И тебе нужно что-то с этим делать – показать, что ты своя, чтобы приняли в стаю. Я не робкая, совсем нет, разве чутка странная, а значит, отличаюсь от других. В таких коллективах жёстко карают за непохожесть. Я это сразу ощутила на себе. Первое, что

они сделали – дали кликуху. А вы как хотели! Это вам не городская школа, куда ходила я до 7-го класса, где никто не имел погонял. А мальчики и девочки называли друг друга по именам. Это средняя (в буквальном смысле) школа посёлка Л. Вообще, в моём новом классе 7 «Б» практически все имели кликухи. Непонятно, кто их придумывал и на каком основании. Ну ладно, Андрей Батушев был «Батухом», или Радика Чичулина звали «Чичей», а Олю Сисееву – «Сисей». Здесь всё понятно, но почему Петю Баранова звали Руболесом. Что означает это слово и как оно созвучно с фамилией или именем школяра, непонятно. В лесу он не жил, дрова не рубил. Очень прилежную, скромную девочку-отличницу Машу Петрову звали Киса. По мне – нормальная, даже ласковая кликуха, непонятно, почему она обижалась и плакала. Были даже клички, состоящие из нескольких слов. Забитого мальчика-троечника Сергея Шутова звали «Белый спермяк – солёные уши».

«Чайник, чайник»! – я даже сначала не поняла, что обращаются ко мне.

«Чайник» означает новенький – вот так всё банально просто. Хотя эта кличка не была такой уж обидной, носить её до окончания школы я не собиралась. И нужно было немедленно что-то делать. На «чайник» я не откликалась. В то же время не пыталась открыто защищаться – нападать с кулаками на обидчика, обзываться в ответ. Вела себя отстранённо и неприступно. Дома, конечно, плакала. А как без это-

го? Девчонки вообще много и часто плачут. Главное было не показать это одноклассникам. Мне удавалось. Буквально через неделю им стало неинтересно, и они перестали меня так называть. Но появилась новая проблема. Тринадцатилетние мальчишки – уже не совсем мальчишки, а девочки, как известно, вообще созревают раньше. Например, у рыженькой Марины из нашего класса грудь была уже второго размера, и она носила лифчик. Да почти все девчонки, даже безгрудые, носили лифчики. Я не носила. Больше всего доставалось, конечно, сисястой Маринке. На перемене мальчишки закрывали её в раздевалке. Несколько человек держали дверь, другие в это время мяли её груди. Она орала истошным голосом и молотила их пеналом по головам. Но это, конечно же, не помогало, инстинкты и сила молодых самцов брали вверх. И только вдоволь нащупавшись девичьего тела, они выпускали её, красную и растрёпанную, из раздевалки. Может, ей даже нравилось, но разве признается в этом порядочная девушка. Во время урока тоже приходилось нелегко. Нужно было постоянно держать руки плотно прижатыми к бокам, потому что сидящий сзади пацан мог просунуть руки под мышки и потрогать за соски или расстегнуть лифчик. Хорошо хоть у меня этой «сбруи» не было. А с другой стороны – плохо, ведь титек у меня тоже не было (ну или почти не было), и поэтому я не пользовалась популярностью у мальчишек. Зато я нравилась мальчику-хулигану, лидеру и заводиле, с которым продолжала сидеть за одной партой. Мальчишка звали Артём,

он занимался каратэ.

Потом я узнала, что Чайником меня перестали называть не из-за моей, как я считала, правильной тактики поведения, и за сиськи не мяли не оттого, что маленькие. Артём, имевший авторитет в классе, приказал им не трогать меня и не дразнить. Они его слушались. А куда деваться? Кому хотелось быть избитым в школьном дворе Тёмой-каратистом и его дружками-старшеклассниками. Так благодаря моему защитнику я стала неприкосновенной для всей школьной своры.

И это было только начало. Потом всегда, как ангелы-хранители, рядом со мной будут оказываться самые лучшие мужчины, которые будут защищать меня. Я как будто притягивала к себе мужчин правильных, честных, красивых, благородных. Они меня ни разу не предавали, не делали больно. Даже два маньяка не смогли меня изнасиловать. Один после того, как я, смирившись с безысходностью ситуации, сама легла и, сняв трусы, грустно буркнула «трахай», опешил и сказал, что так не может. После чего посадил на такси и отправил домой, а потом ещё звонил, предлагал встречаться. Другой маньяк расчувствовался и пошёл провожать до дома по тёмным закоулкам, где выли злые собаки (я рассказала ему про собакобоязнь). Маньяк был удивлён, что я боюсь больше собак, чем его, настоящего маньяка. Я и правда никогда не боялась мужчин. Пускала их в самое сердце и не боялась, что они его разобьют. И

мужчины обращались с ним очень бережно. Я поняла, что с нами случается то, чего мы больше всего боимся. Боишься собаку – она чувствует твой страх и обязательно укусит. Боишься быть брошенной – тебя всегда будут бросать, боишься мужа-алкоголика – именно такие будут попадаться на твоём пути, боишься, что будет бить, – обязательно будет, даже не сомневайся. Боишься смерти внезапной – обязательно умрёшь под колёсами авто или сосулька на голову упадёт, боишься долгой и мучительной смерти – готовь кровать и судно. Но что толку от этих знаний, когда применить я их не могу. Не могу перестать бояться собак, не могу полюбить жизнь со всеми её проблемами, не могу начать бояться смерти, не могу осторожничать с мужчинами. Не могу, и всё тут. Так я и иду по жизни с моими ангелами-хранителями-мужчинами. Спасибо вам, мои.

Тёма-каратист стал не только моим первым ангелом-хранителем, но и первой любовью. Целый год мы сидели с ним за одной партой. Я давала списывать ему диктант, он решал за меня задачи по математике. На уроках мы писали друг другу смешные записки. Иногда я не могла удержаться от смеха, читая их, и учительница выгоняла меня из класса. А Тёмка невозмутимо продолжал сидеть на уроке. Он вообще был невозмутимым и спокойным. Говорил тихо и сурово.

Весной, когда усидеть на уроках просто невозможно и в воздухе пахнет свежей листвой и ещё чем-то, не поддающимся описанию, чувства обостряются. Мы с Артёмом были мо-

лоды и влюблены друг в друга, в эту весну цветы распускались не только на земле, но и в наших юных сердцах. В одну из таких ночей (был конец мая) мы первый раз поцеловались. Это было на ромашковом поле, прямо за церковью. Солнце садилось, окрашивая горизонт в ярко-красный, даже малиновый цвет, запах луговой травы дурманил. Мы разговаривали, а потом он обнял меня, но по-другому, крепче, чем обычно, его глаза были близко-близко и губы... Я трепетала в предвкушении чего-то запретного и сладкого. Неумело, робко-робко, он накрыл мой рот своими губами. Пошёл дождь, сначала мелкий, потом сильнее, а мы всё целовались, боясь открыть глаза. С неба полило. Только тогда мы отлипли друг от друга и побежали. Да что бежать, вся одежда уже промокла насквозь. Это была настоящая летняя гроза.

Мы встречались каждый день. Вечерами гуляли, держась за руки, по тёмных улицам посёлка Л. Целовались, стоя у колодца, и я чувствовала его член, упирающийся в меня через наши одежды. На Восьмое марта он подарил мне букет белых роз и серебряные серьги. Тогда же, в 8-м классе, я закурила первую свою сигарету и выпила первую рюмку водки. Мне понравилось и то, и другое. Я чувствовала себя свободной и взрослой.

В детстве и юношестве вообще всё радует. Эмоции и чувства острее и сильнее, потому что всё впервой. Первый поход в парк с родителями, первый бокал шампанского на выпускной, первая сигарета, первый поцелуй, первый секс. По-

том нужно больше новых ощущений. От бокала шампанского уже не пьянеешь и выпиваешь водку, много водки, от которой только притупляется ум и все ощущения стираются, а наутро – опустошение и головная боль. Групповой секс, дилдо и всякие другие секс-игрушки, а наутро опять опустошение и отвращение, пачка сигарет, да и сигареты – фигня, может, наркотики, но страшно. И всё равно не радуется. Ничто не радуется. А раньше для счастья так мало нужно было. Хватало одного поцелуя на лавочке у подъезда. Безвозвратное счастливое прошлое, я люблю тебя.

С девчонками мы сбегали с уроков и курили в подвалах. Там же распивали водку, закусывая зелёными яблоками из школьного сада. Мы ругались матом, сплёвывали через зубы и чувствовали себя очень крутыми. Чтобы стать по-настоящему взрослой, оставалось избавиться от девственности. Я решила, что это должно произойти до дня рождения. 16 лет я буду отмечать уже совсем взрослой. Мечта всех девочек – лишиться девственности под аккорды виолончели, аромат роз, мерцание свечи, на шёлке простыней. Ведь именно это показывают в пошлейших мелодрамах, и именно такие фильмы смотрят большинство юных дев. Я не смотрела мелодрам, а слушала «Сектор газа» и «Кино», носила джинсы и кеды, а волосы мои торчали ежиком. Поэтому моё (и не только) расставание с девственностью происходило совсем иначе. Уже изрядно пьяная и храбрая, я позвонила Артёму. Мы шлёпали с ним по лужам, мои кеды промокли – была

весна. В одной руке у меня – бутылка пива, в другой – сигарета, в голове – каша. По мере того как градусы в крови увеличивались, я становилась смелей. В районе элеватора остановилась на полпути, поставила бутылку в грязь, выкинула сигарету, расстегнула джинсы и со словами «трахни меня», выпятила навстречу каратисту задницу. Меня слегка покачивало. Похоже, что от такого внезапного предложения он опешил. Постояв так минуты две, я поняла, что ничего не происходит.

– Чё? – я развернулась и пьяными глазами смотрела на него.

– Я не могу так. Я вообще никого ещё не трахал. В кино, правда, видел, – оправдывался он. – Пойдём лучше к моему другу – музыку послушаем?

В гости так в гости, мне уже хоть к чёрту на рога. И мы пошли.

...Боли не чувствовала, я вообще ничего не чувствовала. Потом вышла во двор, с водостока крыши лилась вода. Я, голая, встала под струю ледяной, талой воды и чуть-чуть протрезвела. Мальчик мой принять такой душ отказался.

Утром у меня болело всё и писька тоже. Я решила больше никогда не заниматься сексом, потому что ничего приятного в этом нет.

На следующий день я праздновала свой День рождения, мне исполнилось 16, и я уже не девочка. Тёмка, конечно же, был в числе приглашённых. Как всегда, много алкоголя, си-

гареты, танцы, танцы, танцы. И вот я уже пьяно обнимаю в танце друга Артёма. Из-за его плеча замечаю злые глаза моего мальчика. Он ушёл в тот вечер, обиделся. Поняв, что его нет, я убежала на кладбище, оставив друзей доедать торт. На кладбище было тихо и хорошо. Я бродила меж крестов, заглядывала в лица покойникам.

Вообще, смерть, точнее, её атрибутика в России – мрачная, однообразная, тоскливая и до безумия скучная. Холмики земли, убогая ограда, деревянные кресты, венки из нелепо ярких искусственных цветов с лентами «вечная память» и фамилиями родственников и близких. За всей этой тоской не видно личности умершего. Что мы можем узнать о человеке по его могилке? Ровным счётом ничего. Только безликое лицо, фамилия и пустые цифры – даты рождения и смерти. И всё! И мы приходим по праздникам, зачастую даже не взглянув в выцветшую фотографию когда-то близкого человека, напяливаем перчатки и принимаемся за прополку сорняков, заполонивших могилу. А кто, собственно, решил, что трава на могиле – это плохо и так быть не должно, а ровный холмик голой земли – это красиво и правильно, а?

Хоронить в землю в гробу – это очень жутко и неэстетично. В моём воображении существует совсем иное кладбище, не безликое. Оно подчёркивает индивидуальность каждого покойника, делает его личностью, хотя бы после смерти. Эта такая аллея с ящиками, похожая на камеру хранения. На дверце каждого ящика – фамилия и имя умер-

шего. А внутри его прах и всякие интересные вещи. У каждого они свои и разные. Например, при открывании дверки может звучать музыка, которую любил покойный. Там могут храниться какие-то видеозаписи, его дневники, записки или вещи. Например, может быть платье, в котором покойная лишилась девственности. Или галстук, который был на умершем в день, когда он встретил свою первую любовь. Там могут быть дорогие ему мелочи (ведь они есть у каждого): вырванная страничка из любимой книги, билет в цирк, детский стишок, фотографии, любимые духи, аудиокассета. Да мало ли у каждого человека своих сокровенностей. Перед дверцей в так называемый склеп можно ставить только живые цветы. И не обязательно чётное количество. Главное те, которые любил покойный. Я уверена, что покойникам такое внимание было бы гораздо приятнее, чем прополка могилы и покраска креста, по крайней мере, мне – точно. А вообще у меня в тайном дневнике написано завещание, где я требую сжечь моё тело, а прах развеять над морем. Обещаю являться в жутких снах и пугать дикими сказками того, кто откажется выполнить эту мою просьбу.

Ещё более абсурдной и отвратительной мне кажется традиция поминок. Абсурд начинается с приглашения на поминки. Вы только подумайте, это же два слова антонима – поминки и приглашение. Что ещё пригласительные, как на свадьбе, не рассылают (а может где-то уже так и дела-

ют)? Пригласить можно на праздник, а поминки – это личное дело покойника и тех, кто его по-настоящему любил.

Приходят левые люди, какие-то соседи и дальние родственники, которых ты видишь, возможно, в первый и последний раз и которым глубоко плевать на твоё горе. Они и знать не знали покойника при жизни. На кухне, где идут приготовления к массовой жарачке (в огромных котлах бурлит суп, каша, горох, пыхтят пироги), ведутся разговоры о том, как умер покойник. С любопытством и сладострастным ужасом люди смакуют подробности смерти. Потом массовое поедание четырёх обязательных блюд: супа, каши гречневой, каши гороховой, киселя. Со времён перестройки, когда магазинные полки были пусты, и соответственно на поминках можно было отведать только эти четыре блюда, всё изменилось в лучшую сторону. Сейчас на поминальных столах непременно – салаты, разного сорта рыба, фрукты, бутерброды. Одним словом, жри – не хочу. А даже если не хочу, то надо. Что сделаешь – традиция. И всё какая-то не нужная никому суета. «Да оставьте мать наедине со своим горем. Дайте ей наглядеться, наговориться и по-настоящему проститься со своим умершим чадом!» – хочется закричать мне. Не до каши и супа ей сейчас, и не до дурацкой вежливой болтовни с родственниками. Если есть душа, то, наверняка, она плачет, вися на люстре и наблюдая, как какие-то непонятные люди уминают за обе щеки и яростно выпивают. Причём тем же соседям на фиг не надо поминок,

они и не хотят вовсе в этом участвовать, но отказать не могут. Ведь тогда их сочтут бессердечными. Значит, им не жалко покойника. А ведь на самом деле не жаль, только все боятся сказать это.

Ещё раз обращаюсь к тебе, Любимый, не надо поминок, не надо всего этого маскарада. Только ты, я и море, и бутылка вискаря, который я так люблю.

Вдоволь нагулявшись по могилам и окончательно протрезвев, я пошла домой. Стало совсем темно. Над кладбищем, как инопланетная тарелка, висела огромная красная луна.

Вот так я отметила своё шестнадцатилетние, а заодно и расставание с ненужной девственностью. Никогда не понимала, почему многие её берегут, как Кошей бессмертный свою смерть. Кому она нужна и главное зачем?

Спустя месяц я поняла, что залетела. Для верности сходила на УЗИ – мои опасения подтвердились. Эту радостную новость я сообщила Артёму. Ведро с картошкой выпало из его рук, и картофелины покатались по бетонному полу подвала.

– Я залетела, – сказала и затушила об косяк только что прикуренную сигарету (меня зверски тошнило от никотина, как будто ребёнок внутри меня сопротивлялся вредному для него дыму).

– Что будешь делать? – задал он самый дурацкий из возможных вопросов.

– Не знаю. Наверно, придётся сказать маме. Как ни странно, мама отреагировала довольно спокойно на эту новость. Сразу же потащила меня в больницу сдавать какие-то анализы. На следующий день решено было идти на аборт. «Или он замуж тебя зовёт?» – на всякий случай поинтересовалась мама.

Какое же это отвратительное слово – «аборт». Ночь перед больницей я не спала. Стоило мне закрыть глаза, как из всех углов на меня начинали ползти младенцы, они тянули ко мне свои ручонки и пищали «мама, мама, мама». Я в ужасе открывала глаза и с усилием тёрла лоб, подходила к окну, смотрела на знакомый до боли пейзаж и на тёмные окна молодого папаши, который сейчас, наверно, храпел и пускал слюни в подушку.

Так, в 16 лет я испытала первый наркоз. Это было ужасно страшно и интересно. Я видела коридоры и медленно плыла по ним. А тело было гибкое и лёгкое, я могла даже завязаться в узел. Мой полёт сопровождался тяжёлой рок-музыкой в замедленном воспроизведении. На следующий день я пошла в школу.

Я не сдержала слово не заниматься сексом никогда. Трогая друг друга за коленки под партой, мы не могли дождаться окончания урока. На перемене прибежали к нему домой. Прямо в прихожей, не раздеваясь, я приспускала джинсы и отставляла в сторону трусики, он расстегивал молнию на брюках и трахал меня сзади. Но теперь мы были хитрень-

кие – он не кончал в меня. Потом мы бежали на урок.

Однажды я сказала Артёму, что мне нравятся творческие люди, а он только кулаками может махать. Правда, с помощью этих самых кулаков он смог доказать свою горячую любовь ко мне. Проще говоря, избил старшеклассника, который ко мне клеился. Мне этот факт, конечно же, льстил, но я хотела, чтобы любимый стал мужчиной моей мечты. Каратист любил меня и хотел соответствовать моим идеалам, поэтому вскоре научился очень даже неплохо играть на гитаре и исполнял для меня матерные лиричные песни из репертуара Юры Хоя.

Как-то мы занимались любовью у него в комнате, приперев дверь гитарой, чтобы никто не смог зайти в неподходящий момент. В другой комнате его родители что-то отмечали. В дверь постучала его мама, ей нужен был баян. Я, как была, голышом, спряталась за занавеску. Тёма открыл дверь. Мама ушла с баяном, мы продолжили секс под «ой, цветёт калина», доносившийся из соседней комнаты. Думаю, его мама не могла не заметить мои босые ноги, торчавшие из-под занавески. Ну и ладно.

Как все девчонки, в 16 лет я писала стихи.

Вот это, по-моему, заслуживает отдельного внимания, не в смысле творчества, по-другому.

Я живу на земле, не живя,
Я люблю тебя, но не любя.

Я грущу, по жизни смеюсь,
Я смеюсь, но по жизни плачу.
Я ведь в жизни ничто не значу,
И плевать, что на улице грязь.

Прочитав это сейчас, я поняла, что напороочила. Ключевая здесь фраза «Я ведь в жизни ничто не значу». Ощущение незначительности своего проживания на этой земле меня волновало и тогда. Не значить в жизни – для меня самое страшное. Здесь имеется в виду значимость всенародная и непоколебимая. Без неё жизнь теряет смысл. Отсюда и дискомфорт, и неудовлетворённость, и раздвоение личности. Вроде, живу, а вроде, и нет, вроде, люблю, но как-то не так. Мне не признания родных и близких нужны, не семья со всеми вытекающими последствиями, а что-то большее. Мне нужно за столбить за собой место в этом мире, занять его на века. А ещё мне нужен человек, который смотрит под моим углом зрения. Как бы банально это ни звучало, мне нужна моя «половинка». С Артёмом было всё хорошо, но чувствовала я, что он не половинка. А какая она, моя половинка? Я не знаю.

Стихи я писать перестала, как только поняла, что никогда не напишу лучше классиков, которых читала. «Если не стану великим писателем, то может хоть с половинкой всё сложится», – размышляла я.

Глава 5. Информация

Отношения моих родителей совсем разладились. Не то чтобы они стали чаще ругаться, напротив, всё больше молчали. Папа стал редко ночевать дома, а потом и вовсе ушёл. Я не переживала, у меня своих проблем хватало. А затем появился дядя Лёша. Маленький, усатый дядька с карими хитрющими глазами. Дядя Лёша считал себя очень умным и поэтому много говорил, обо всём: о культуре, о политике, о природных катаклизмах, о соседке-самогонщице, о соседке-гадалке, обо всех жильцах нашего дома – он знал всё обо всех. Причём каждое его высказывание начиналось со слов «поступила такая информация...». Так к нему и прилипло прозвище «Информация». Я до сих пор думаю, кто же снабжал его продуктами интеллектуальной деятельности?

Дядя Лёша в прошлом лётчик. Он получил контузию, прыгая с парашютом. Видимо, с того времени в голове его что-то перемкнуло. Когда звонили в дверь мои подружки, он успевал заковырять трусы в попу, подтянуть их повыше, чтоб хозяйство было заметно, и в таких самодельных стрингах шёл открывать дверь. Подружки, понятное дело, бежали врассыпную. Потом привыкли и только глупо хихикали. Дядя Лёша у многих вызывал насмешки, и только мама считала его супер-пупер-мужчиной. «Супер-пупер-мужчина» пролёживал бока на диване, пиздил по телефону, смотрел телеви-

зор, жрал, спал. Мамин мужчина был алкоголик (все мужчины, окружающие маму, – алкоголики: отец, мужья, сын). Как-то она отказалась его пускать в квартиру пьяного. Он орал на всю лестничную площадку, отвешивая маме неречно поэтические комплименты. Она не поддавалась – не открывала дверь. Мы с братом смотрели телек. Вдруг по экрану пошла рябь, а в окне возник висящий на телевизионном кабеле Информация. Он постучал в окно, но когда я подошла, чтобы впустить хитрого дядю Лёшу, кабель оторвался, и алкоголик спикировал вниз. Но не стоит забывать, что мамин мужчина – бывший лётчик. Он успел сгруппироваться и в результате полёта с четвертого этажа на асфальт только сломал ноги и жёстко обосрался. Мама вызвала скорую. Потом дядя Лёша долго лежал на диване с загипсованной ногой, а мама кормила его и подавала утку. Вот такая любовь.

Через несколько лет он сдох, как собака, один в трёхкомнатной квартире, которой не захотел делиться ни со своими родными детьми, ни с моей мамой после развода. Он жил там один, бухал, ежедневно, методично, и всех приходящих, звонящих, просящих посылал на хуй. И они ушли.

...Тело дяди Лёши обнаружили по зловонию соседи, которые и взломали дверь. Я не была на похоронах, мама – тоже.

Глава 6. Выпускной

К выпускному в школе все готовятся заранее, особенно девчонки. Ведь каждая хочет, чтобы её платье было красивее, чем у одноклассницы. Такое вот соперничество. На выпускном я хотела быть королевой, но мама обломала мои мечты.

– У меня нет денег на твоё платье, – отрезала она и предложила, – если хочешь, я перешью тебе из своего свадебного. Для меня это была катастрофа. Нужно было срочно что-то делать. Тогда мне в голову пришла гениальная мысль – устроиться на работу. Я пошла на консервный завод. Работала в три смены: мыла нескончаемые огурцы, кабачки, глохла от заводского шума и бьющегося стекла, засыпала над конвейером, по которому ползли опять же нескончаемые огурцы. Но цель оправдывала средства. Я купила на заработанные деньги самое красивое платье. «Королевский статус», однако, не помешал мне, уже изрядно пьяной, залить белый шифон с нежной вышивкой красным вином. Поэтому в продолжение праздника я выглядела не менее сногшибательно в бирюзовом мини. Сохранилась фото, на котором Артём нежно обнимает меня за талию, а глаза у меня там совсем шальные.

Закончился выпускной, Артём получил повестку в армию. Его мама устроила прощальный ужин. Родственники и

друзья произносили тосты. Мама расплакалась и вышла из-за стола. Сестра смотрела грустными глазами.

– Вы что здесь как на поминках? – сказал Тёма, скривив в натянутой улыбке рот. – Я всего лишь в армию, всего лишь на 2 года, – пытался он всех подбодрить.

Получалось неубедительно. Посидев ещё какое-то время, мы пошли к нему в комнату.

– Тебе Тальков нравится?

– Да.

– Хочешь, кассету подарю? Я сегодня только её купил, а послушать теперь не удастся.

Он нажал «вкл.», и из динамиков полилось:

«Скажи, откуда ты взялась
и опоздать не испугалась.
Моя нечаянная радость,
несвоевременная страсть,
Горькая, а сладость...»

До утра мы нежно и долго любили друг друга. На рассвете я ушла домой, а мой любимый – в армию.

Глава 7. Самый счастливый период

Самый счастливый период в моей жизни – это пять студенческих лет. Однако само поступление в высшее учебное заведение оказалось делом непростым. С дипломом и портфолио, состоящим из моих интервью и стихов, опубликованных в газетах, я решила поступать в университет, конечно же, на журфак. «А куда ж ещё с таким талантищем?» – думала я. Прошла собеседование, началась подготовка к экзаменам.

Стояла жара, девчонки, бывшие одноклассницы, купались, загорали, вечерами гуляли с мальчишками, а я сидела с марлевой повязкой на лбу, опустив ноги в тазик с холодной водой (на улице стояла 30-градусная жара), заваленная учебниками, зубрила и задавалась вопросом: «На черта мне вообще дался этот университет?» Могла бы, как они, пойти в комок торговать пивом и шашлыком. И деньги заработаешь, и учить ничего не надо. Учитывая, что в школе я не столько училась, сколько бухала и переживала любовь, для поступления в универ мне нужно предстояло догнать то, что было упущено.

Но вот шпоры распиханы по карманам, в голове – винегрет из знаний, в животе – воздушный шар от волнения. У меня первый экзамен. Потом второй, третий. С огромным волнением я, как и многие абитуриенты, стою у доски с фа-

миллиями поступивших в вуз. И, о счастье, нахожу свою.

Как-то осенью, возвращаясь домой из университета, я услышала писк, который доносился из мусорного контейнера. Подошла поближе – в баке, в мешке, что-то шевелилось. Я открыла пакет – там был маленький чёрный котёнок. Глаза испуганные и злые. Он был таким крошечным, что помещался на ладони. Я запихнула его под куртку и пошла домой. Котёнок успокоился и не пищал.

Дома поставила миску с молоком перед его мордочкой. Чёрное существо только фыркнуло и с отвращением отвернулось. Я в замешательстве думала, чем же его кормить. Достала из морозилки мясо, мелко настругала и дала угощение котёку. Он довольно заурчал и стал так быстро поглощать мясо, что через несколько секунд тарелка была пуста. Потом котёнок залез на батарею и уснул.

Наутро выяснилось, что у кота нет яиц.

– Это же кошка!!! Она ж плодиться будет! Куда котят девать! – орала мама.

– Ну, мы раздавать будем, – разумно успокаивала я её.

Мне очень не хотелось расставаться со своим пациентом, которого я спасла.

Котёнок, чуя недоброе, забился в угол под кровать. Я решила не отдавать питомца любыми способами. И мама отступила. Так у меня появился настоящий друг – Кошка. Мы вместе гуляли, я шла – и Кошка рядом, останавливалась – и она стояла. Мы разговаривали долгими ночами, я на своём

человечьем, а она – на кошачьем, и отлично понимали друг друга. Кошка хоть и любила меня всем сердцем, но по натуре была не ласковая. Не любила, когда её захватывали в плен объятий и начинали гладить. Она не терпела этих нежностей и всегда убегала. Мне она позволяла себя гладить, и только по чёрному хвосту, нервнодвигающемуся из стороны в сторону, можно было понять, что ей это совсем не нравится. Сидя на крыше ДК, я цитировала ей классиков литературы и плакала в её чёрную тёплую шкурку, когда умирала от любви. А любовь у меня в универе случилась сильная.

– Знаешь, Кошка, как мы познакомились? Дело было в лесу, у реки. Мы с друзьями разбили палатку и уже часа три отдыхали, загорали, купались, играли в футбол. Всё это время я наблюдала за парнем подруги (тот, которого «добрые» подружки пригласили для меня, мне совершенно не нравился). Его звали Александр. У него были чёрные волосы, смуглая кожа, карие глаза под тонкими линзами очков. Он мало говорил, но если и произносил что-то, то это была непременно какая-нибудь острая шуточка – не пошлая и не банальная. И все смеялись, и он смеялся, обезоруживая своей широченной улыбкой во все 32 красивых, ровных зуба.

Ночью мы устроили дискотеку. Наша компания лихо отплясывала под модный тогда «Unlimited», а на медляках мы обжимались под Мадонну. Я постоянно краем глаза наблюдала за Александром. Видно было, что танцевать ему не хотелось – он просто поддерживал компанию и общее веселье.

Когда я в очередной раз кинула взгляд в его сторону, Сашки уже не было. Я нашла его в машине, слушающего группу «Metallica».

– Мне не нравится попса, – объяснил свой уход с так называемой дискотеки Александр.

– Мне тоже, – сказала я.

И мы молча слушали металл. Нас прервала его девушка.

– Чем это вы тут занимаетесь? – сквозь грохот музыки проорала она и недобро посмотрела на меня.

Сашка выключил музыку, и мы вышли из машины.

Дискотека закончилась, парни разбивали палатки. Мне предстояло провести ночь наедине с неинтересным Васей, а в голове моей созрел коварный план по изменению ночной перспективы. Когда подружка Александра отлучилась в кусты, я, коварная, предварительно сняв трусы, проникла в их палатку. Но симпатяга не запрыгал от радостной неожиданности, а сурово так сказал, как отрезал:

– А ну вылезай отсюда, дура ненормальная. Я приехал с девушкой, с ней и уеду!

«Ой, какой высокоморальный, правильный типчик», – подумала я тогда, засыпая у неинтересного, скучного Васи на плече.

На следующий день мы ехали домой на «кабриолете» цвета июньского неба. За штурвалом – красавчик Сашка, тот самый, подружкин. Я нарочито громко хохотала, отпуская всякие несмешные шутки. Странное дело, но прежде правиль-

ный мужчина отвёз домой свою девушку, потом якобы моего парня, дальше мы ехали молча. Я, напрягая все свои извилины, разрабатывала план по соблазнению молодца, но как назло ничего не могла придумать. Открываю дверь, с дебилской улыбкой на лице покидаю машину и уже за спиной слышу: «Сегодня в девять». Ровно, медленно иду к подъезду, стараюсь покачивать бёдрами равномерно, и только, скрывшись за дверью, с выкриком «Yes!» подпрыгиваю чуть ли не до потолка.

Моюсь, крашусь, выливаю на себя флакон маминых цветочных духов, надеваю парадные красные трусы (всё-таки первое свидание), бюстгальтер не надеваю вообще, потому как у меня его нет в принципе. Моя грудь торчит пистолетом. Ближе к девяти уже вся на нервах, кусаю губы и ногти. В начале десятого – долгожданный звонок в дверь. Смущённо спускаемся по лестнице. Ныряю в машину. Едем. Играет не радио. Едем долго, молча. Чем дольше молчим, тем более страшные мысли посещают меня. А мысли, Кошка, сама понимаешь, какие (животина понимающе кивает головой): а вдруг он маньяк – привезёт меня в лес, изнасилует зверски и оставит умирать назло родителям...

Мы останавливаемся во дворе дома. Я иду за ним по лестнице. Квартира как квартира – обычная советская. Ну, думаю, сейчас накинется и повалит меня на ковры бабушкиной ручной работы. Нет, не повалил. Вытянулся на кровати и лежит себе так спокойно. Что-то я вообще не понимаю,

как в этой ситуации действовать. Вроде привёз на квартиру с понятной целью, и никаких действий. Выхожу на балкон, повторяю там фокус с трусами и, голая, захожу в комнату. Кошка, ты не представляешь, реакции никакой! Оглядывает меня с ног до головы и отворачивается. Ну, думаю, значит гей или импотент, вариантов больше нет. Но чтобы убедиться в этом окончательно, предпринимаю последнюю попытку. Сажусь на краешек кровати и расстёгиваю чёрную рубашку, стягиваю джинсы. Красивый, смуглый, лежит передо мной, только руку на мою талию положил. Провожу рукой от груди до паха и неожиданно для себя обнаруживаю, что орган реагирует как надо и всё с ним в порядке. Дико до изнеможения занимаемся сексом, забыв при этом погасить свет. Вот такое первое свидание, Кошка. А теперь пойдём домой, уже светает. И мы покидаем крышу.

Так романтично начались наши отношения с Александром. Вначале мы встречались редко, потом чаще и чаще, а однажды я осталась у него на ночь и больше мы не расставались. Наша любовь проходила в этой советской квартирке, доставшейся ему по наследству от бабушки. Там мы познавали друг друга сердцами и телами. Там было много и грустного, и весёлого.

Помню, как мы отмечали там год со дня нашего знакомства. Сашка устроил мне по-настоящему романтический вечер с цветами, шампанским, музыкой. А потом я пошла в туалет и подо мной на две части развалился унитаз. Поэтому

справлять нужду мы пошли в лес, который благо был напротив. И там же в лесу долго нежно целовались на поваленном дереве. И пахло сырой землёй и осенней листвой, и ветер приятно охлаждал голые мои ноги.

В этой квартирке я влюбилась в Джима Моррисона после просмотра редкой на тот момент видеозаписи – фильма о жизни и творчестве рок-легенды. Там мы слушали группы «Metallica», «Nirvana» и Жанну Агузарову. Там я стонала и плакала от счастья на бабушкиных смятых в сексуальной агонии простынях. Там я застала его с девушкой в день подачи заявления в ЗАГС и хотела убить сначала его, потом девушку, потом себя, а потом передумала и мы долго и как-то виновато занимались сексом, и от него пахло чужой самкой. Там случился мой первый настоящий оргазм. Из-за ненастоящих мы чуть не расстались. Я долго имитировала, потому что мне казалась, что такая сексуальная девушка, как я, просто не может не оргазмировать по пять раз за ночь, и усиленно изображала. Потом мне это надоело, и я решила признаться. Саша был просто убит таким заявлением и сказал, что не хочет больше быть со мной. С тех пор я решила никогда ничего не изображать. Он не ушёл, но в сексуальной жизни произошёл надлом. Потом со временем всё наладилось и однажды неожиданно меня по-настоящему накрыло.

На втором курсе универа я познакомилась с другом Александра – Арсением. Он жил исключительно на стипендию, снимал комнату у старухи в полуразваленном доме, жестко пил

и курил, носил воду из колонки, топил печку, писал стихи под светом керосиновой лампы. На стене его каморки с кусками обоев в нелепый желтый цветочек висели портреты Че Гевары, Кости Кинчева и Егора Летова.

Я помню, как первый раз увидела его, бородатого, в свитере крупной вязки с растянутым горлом, в руках у него был «маленьковский» стакан водяры, а по обе стороны от него сидели две девушки блядской наружности. Мне Арсений понравился с первого взгляда. Нас познакомили, и мне вручили такой же стакан. Пьянка понеслась. Арсений играл на гитаре и до хрипоты в голосе орал Летовское «Всё идёт по плану!!!», а потом нежно нараспев «Глупенький мишутка шёл по лесу, шишки собирал, тут же терял всё, что находил...». Я тогда этих песен не знала, а теперь знаю многие наизусть, и у меня тоже есть портрет Егора. Потом мы послушали эти же песни в исполнении самого Летова, на старом бобиннике Арсения. И ещё он рассказал трогательную историю любви и творчества Егора Летова и Янки Дягилевой, и что она якобы из-за него покончила с собой, когда ей не было ещё 25. Но это только одна из версий. Почему в расцвете лет умерла Янка, никто до сих пор не знает.

Майской тёплой ночью она ушла со своей дачи под Новосибирском и не вернулась. Её тело было найдено рыбаком в реке Иня. На похоронах собралось более тысячи человек. После похорон Летов зашёл в дом Янки и изъясил все её письма, черновики и другие бумаги. Почитав биографию

и посмотрев документальные фильмы о жизни и творчестве Яны, которыми меня снабдил Арсений, я нашла определённое сходство с собой. Например, Янка очень любила котов и ненавидела и боялась собак. Здесь я с нежностью вспомнила про свою подругу-Кошку, а собак я до сих пор боюсь, даже самых маленьких. «Собаки и машины – вот были два основных Страха в ее жизни» (из интервью её питерской подруги). Я тоже боюсь машин (мне часто снится сон, как я попадаю в невероятную аварию) и собак, а ещё темноты и замкнутых пространств.

Забавную вещь я прочитала в одном из интервью певицы. Оказывается, кроме Летова, у Янки некоторое время было увлечение неким мужчиной. Когда она пошла знакомиться с родителями будущего жениха, они первым делом стали показывать ей семейный альбом. После просмотра Яна заявила: «Вот это называется бытовуха, а для меня это – путь на эшафот». И рассталась с женихом. Вот только уже за эти слова и поступок люблю Янку. Говорят, она была неженственна и мужчины воспринимали её как своего парня, но кто, как не настоящая влюблённая женщина, споёт: «Ты увидишь небо, я увижу землю на твоих подошвах...». В магазинах я скупилла все кассеты Янки и Егора Летова, и с упоением слушала их. А главное – тексты, какие тексты!

В студенческие годы мы часто собирались на квартире Арсения – пили, курили, слушали настоящую музыку, он много рассказывал – я слушала. Девчонки блядской наруж-

ности неизменно присутствовали на таких посиделках. Когда мы покидали берлогу, они оставались с Арсением и бог знает что там творили.

Однажды в деревенском туалете нашего друга я нашла порножурнал, но не какое-то гламурное говно, а редкое подпольное издание, где тёлки с прыщами на жопах, а члены у мужиков нормальных размеров, немного кривоватые, у некоторых без особой эрекции. В общем, в этом журнале было всё по-настоящему. Я прихватила изданице с собой, чтобы ознакомиться поближе. Дома, уединившись в ванной, я прочитала рассказ о том, как парень трахает девочку в лесу, а потом писает на её белоснежную блузку. Мне хватило секунды, чтобы кончить от одного лишь прикосновения к кликтору. С тех пор это мой пунктик. Знай, Арсений, это ты повинен в пополнении коллекции моих извращений.

Как-то мы с Сашкой, Арсением и моей подругой Настасьей поехали в Самару на рок-концерт. Там было весело: пьяные, потные, все в пыли панки обнимали готов, в общем, все всех любили. Приехала я, собственно, из-за «Алисы». Костя Кинчев всерьёз и надолго «заразил» меня своим творчеством. По списку он должен был завершать концерт. Всеми немыслимыми способами, преодолевая давку и оцепление ментов, я прорвалась почти к сцене. Я пела и подпрыгивала вместе с толпой таких же, как сама. Костя, как всегда, был неотразим, а его мощная энергетика била прямо в самое сердце. В ночи мы долго не могли отыскать наш автомобиль,

потом, утомлённые, возвращались домой.

В этот же период я познакомилась с творчеством группы «Калинов мост». Первый раз я услышала песни Димы Ревякина на виниловой пластинке, которую купил, Александр.

«Девочка летом,
слушала гром...
В станове молний
Писала альбом.
Огненный берег,
Заспанный пёс,
Скрип акварели,
Ситец берёз...»

Сколько мелодики в его текстах, они словно сотканы из нежной вуали. Когда в ночной программе Дмитрия Диброва я увидела парня с голубыми глазами, простоволосого, бородатого, в холщовой рубашке, то сразу влюбилась. Его энергетика – добрая и позитивная, совсем не такая, как у Кинчева, например. А вот Егор Летов излучает зло, и ненависть, и раздражение. Его энергетика негативная, слушая его песни, хочется всех убить или убиться самой. Тем не менее мне нравилось творчество таких разных людей.

Наши с Сашкой музыкальные вкусы практически совпадали, но взгляды на жизнь были совсем разными. Правда, сначала эта разница была не в тягость, потому что чаще мы общались телами или на темы, не затрагивающие каких-то

глубин сознания. Как только наши разговоры заходили в русло самокопаний, самоопределений и мироощущений, начинались разногласия, и я предпочитала прекратить бессмысленный разговор, поскольку наши ценности в жизни были противоположны. Он хотел нормальной семьи со всеми её прелестями, я – свободы и приключений. На фоне этого моё решение выйти за него замуж выглядит абсурдным и нелогичным. В своё оправдание могу сказать, что на тот момент я не видела никого вокруг – он был лучшим. Я любила его. На своей свадьбе, помню, до блевоты наслушавшись уёбищной попсы, я всё-таки улучила момент, когда все гости, нажравшись до отвала, стали расходиться, и поставила в магнитофон кассету с любимой Янкой. И только Арсений поддержал меня, спев со мной «А мы пойдём с тобою погуляем по трамвайным рельсам...».

Спустя неделю после свадьбы мы поехали на море. В Геленджике поселились в комнатухе большого дома, хозяйка которого сдавала помещения отдыхающим. Это был обычный, как его называют, пристрой в деревенском доме: побеленные стены и потолок, две железные кровати, вешалка и тумбочка. Неотъемлемой частью деревенской жизни является, конечно же, туалет. Это дощатая коробка с дырой внутри и ямой под ней. Естественно, это нехитрое сооружение было одно и на всех отдыхающих, и на хозяев. Добавим к этому «набору» летний душ. Это просто название такое красивое. На самом деле летний душ – такая же по размерам ко-

робка, как туалет, только стенами служат не доски, а грубая материя. Внутри – бочка воды, которая нагревается или не нагревается, в зависимости от погоды. Из этой бочки торчит лейка. Поворачиваешь кран – вот тебе и летний душ. И, конечно же, была баня – хорошая, просторная, с предбанником и ванной, где (о чудо!) была холодная и горячая вода и даже зеркало. Правда, кран в ванной располагался так низко, что приходилось практически ложиться на пузо, чтобы помыть голову.

До моря, как оказалось, идти очень далеко. И вот он – общественный пляж. Серо-желтого цвета вода лениво накатывала на берег и бултыхала мелкий мусор. Человеческие тела густо застилали песчаный пляж. Слева и справа – горы, прямо – небо. Если бы не отсутствие противоположного берега, море вполне можно было принять за городской пруд. Я ринулась в воду, лизнула ее. Вода была соленая. Я плавала, висела на муже, дико бултыхала ногами, подпрыгивала и всячески резвилась.

На второй день мы отправились на экскурсию к дольменам. Ехали в душном автобусе. Он ревел так, что экскурсовода, который в микрофон рассказывала всякие легенды о чудном городе Геленджике, не было слышно. Да я и не слушала. Не люблю я этих экскурсоводов. Еще не факт, что она правду говорит. Мне интереснее то, что я вижу сама, интересны свои ощущения. Я смотрела в окно: горы, поросшие зеленью, сменялись деревнями, где в садах росли апельси-

ны и другие диковинные растения. По узкой тропочке мы подошли к первому дольмену. Экскурсовод продолжала рассказывать всякие легенды об их возникновении. Например, что племя карликов, жившее в пещерах, хитростью заставило могучих, но глуповатых великанов построить им каменные крепости, в которых они жили в полной безопасности. Согласно другой легенде, в них хоронили усопших. Но это все легенды, я правду хочу знать! Вот снял бы кто-нибудь документальное кино. Но откуда во втором тысячелетии до нашей эры камеры.

– Вот здесь был похоронен младенец, – говорит экскурсовод, – поэтому дольмен такой маленький.

Я заглянула внутрь, почему-то ожидая увидеть там бутылки и всякий другой мусор. Внутри было темно и чисто. «Наверно, убирают», – подумала я. Огромные каменные плиты, из которых состоял дольмен, были исписаны, как стены подъездов. «Здесь был Вася 1998 год», – гласила надпись на историческом памятнике. Ещё многие, безоглядно веря тетке-экскурсоводу, которая утверждала, что дольмены священны и если приложиться к ним телом, можно излечиться от всех недугов и даже забеременеть, охотно припадали своими потными телесами к прохладным камням. Некоторым места не хватало, и они занимали очередь. Вязали на рядом растущие кусты всякие тряпки, чтобы (опять же поверье такое) вернуться сюда снова. Меня все время бесил тупой стадный инстинкт. Поэтому я не завязывала тряпок и

не терлась о стены дольменов. Я думала о том, как бы оказаться здесь вечером, одной, сидеть и смотреть на костер, на вершины гор, позолоченные заходящим солнцем, и думать о Вечном...

Вернулись мы домой уже поздно. Я решила помыться в летнем душе, а не в бане. Была уже глубокая ночь. Зашла в «коробку», разделась – холодок пробежал по телу. Вода, нагретая за день солнцем, еще не успела остыть и очень приятно ласкала тело. Когда ветер колыхал грубую материю, по телу пробегали мурашки. С улицы, из многочисленных ресторанов, доносились смутные звуки, сплетённых в одну мелодию. Над головой – звездное небо. Вы знаете, что на море звезды кажутся ярче и больше, чем в городе? Так я стояла с запрокинутой головой, сверху струилась теплая вода, и звезды кружились, и я вместе с ними.

Утром за окном было пасмурно, ветер. В этот день мы взяли билет на прогулку на корабле. Ближе к обеду погода развеялась. На берегу, где мы ждали отправления своего корабля, жарило солнце. Только мы отплыли от берега, солнышко скрылось, поднялся ветер, небо затянулось черными тучами. Море потемнело, стало такого красивого глубокого иссиня-зеленого цвета. Я подумала о морях, которые терпели кораблекрушения и тонули в этих пучинах. Страшная, захватывающая, героическая смерть. Удивительно, но на берегу, от которого мы только что отплыли, продолжало светить солнце. Как будто два отдельных дня существовали парал-

лельно. Наш корабль держал курс прямо навстречу шторму. Горизонт стал почти черным. Корабль раскачивало из стороны в сторону так, что невозможно было устоять, если не держаться за что-нибудь. Вода через борт хлестала на палубу. Пропитанный солью, свежий (хочется сказать, синий) ветер щекотал ноздри. Дети пищали, многие пассажиры спустились в трюм. Я, напротив, пыталась пройти на нос корабля, чтобы вдоволь насладиться этой стихией. Вскоре я промокла до нитки, но продолжала напряженно вглядываться в бурлящую воду, представляя себя тонущей в этих тяжелых жестоких водах теперь уже реально черного моря. Вскоре штурман повернул судно обратно к берегу. Там по-прежнему светило солнце.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать о том, как я заблудилась в туалете. В один из вечеров мы с Сашей отправились гулять по городу. В больших курортных городах туалеты – на каждом шагу. Я завернула по направлению горячей стрелки с буквой «Ж». Муж остался ждать меня. Выхожу, смотрю – его нет и что-то не так. Что-то точно изменилось, пока я была в туалете. Подождав минут пять-десять, я решила пройтись по улице, может, он где-то на лавочке в темноте сидит, меня ждет. Прошла по улице туда-обратно раз несколько. Потом уже бегом – туда – сюда. Никого!!! Сажу на лавке, чуть не плачу. Блин, у меня ни ключей от дома нет, ни названия улицы и номера дома я не знаю. «Это Сашка так подшутил надо мной. Знает же, что я совсем не ориентиру-

юсь на местности. Прочитать, наверное, меня таким образом хотел», – думала я. И вдруг поняла, что именно изменилось с момента, когда я вышла из туалета. Улица стала совсем другая. Быстро соображаю: если я вышла через туалет на другую улицу, значит, могу таким же путем вернуться обратно. Не туалет, а машина времени. Я забегаю в этот злополучный клозет, выхожу в другую дверь, а за ней Сашка стоит там, где я его оставила полчаса назад. Правда, выражение лица у него странное. Говорит: «Ты где была? Я тебя повсюду искал! Что случилось?» Я начинаю сбивчивый рассказ о том, как выбиралась из лабиринта туалета. Мы хохочем и в обнимку продолжаем прогулку. Между тем, урок этот не прошел даром. Потом я в блокноте записала улицу и номер дома, так, на всякий случай.

Неделя нашего отдыха стремительно подходила к своему завершению. В последний день мы поехали на Толстый мыс. Нам сказали, что там вода чистейшая и мало отдыхающих. Представьте себе огромную отвесную скалу. Смотришь вниз, а там – синее море и волны белыми барашками разбиваются о скалу, брызги разлетаются во все стороны. Над всем этим заходящее солнце на розово-лазурном небе. Вид завораживающий. Вот такое настоящее бескрайнее море!!! Не то что городской пляж. Спуститься к морю можно по отвесной железной лестнице, вбитой в скалу. Там, внизу несколько смельчаков барахтались в волнах. Я стала спускаться вниз. Ветер задрал мой сарафан. На последней ступеньке ноги за-

хлестнула набежавшая волна. Мы с Сашкой взяли за руки и вошли в воду, сначала по щиколотки, потом по пояс. Стоять было тяжело. Непокойное море норовило швырнуть о камни или утянуть за собой в глубину. Камни большие, острые и скользкие. Жирные прозрачные медузы качаются на волнах. Вот волна бежит, поднимается над тобой и остаётся только чуть-чуть оттолкнуться и как бы запрыгнуть на неё. Но море коварное. Я чуть замешкалась, и волна накрыла меня с головой. Я в панике начала барахтаться, не чувствуя дна под ногами. Только моя голова оказалась на поверхности, как очередная волна снова утащила меня под воду. Воздуха не хватает, я понимаю, что тону. «Где берег, где люди, почему меня никто не спасает???» – мысли лихорадочно пронеслись в голове. Кто-то потянул меня за волосы и вытащил на берег. Я дико рыдала и причитала, что никогда в жизни больше не буду прыгать на волнах. Оказалось, что от берега я была совсем недалеко. Глупо было бы вот так утонуть.

Утром я последний раз искупалась в море и попрощалась с ним, загадав желание в следующем году обязательно встретиться.

Глава 8. Радио

Найти первую работу не так-то просто, если ты только что окончила университет и не имеешь опыта работы и богатеньких родителей со связями, которые могли бы тебя пристроить в тёплое непыльное местечко. Я и не мечтала о тёпленьком и непыльном, я мечтала о профессии интересной. Поиск работы – дело увлекательное и весёлое. Когда в газете читаешь объявление о том, что требуется на работу заместитель директора по подбору персонала, сразу думаешь, что это какая-то лажа. Но я любопытная, мне интересно. Созваниваюсь и иду на собеседование. В убогом кабинете сидят мало-летние барби в розовых тряпочках и какой-то парняга в засаленной рубашке. Сам директор, дядька пузватый и лысоватый, с южным акцентом, больше походит на продавца шашлыков. «Вот он какой, мой директор», – думаю я, усмехаясь про себя. Сразу становится понятно, что никакой персонал никуда подбирать не нужно. Вот здесь можно было разворачиваться и уходить. Ан, нет, хочу посмотреть, что же будет дальше.

А дальше начинается самое интересное. Дядька достает указку, точнее обычную рейку, и начинает тыкать в выцветшие фотографии, приклеенные на стенд пластырем. Он говорит, что эти люди добились в бизнесе, в котором работает он сам, огромных успехов. Это бывшие училки, ставшие

«золотыми львами» (а это высшее достижение в этом бизнесе), и 22-летние пенсионеры-миллиардеры. Ещё он говорит, что штаны на нём от известного дизайнера, и уверяет, что у нас обязательно будут такие же, а ещё вилла, машина и отдых на Карибах, если мы заключим соглашение с его компанией за 720 рублей. Потом на 10 тысяч купим товара (всяких БАДов, собачьих поясов и прочей хуйни) у известнейшей во всём Китае фирмы (представителем которой он является). И это не предел. Если мы сможем заставить поверить в эту чепуху таких же лохов, как мы, то будем получать с них проценты и сможем стать миллиардерами. Растущие доходы, пирамиду, проценты директор для наглядности рисует маркером на затёртой доске. Потом он начинает расхваливать продукцию китайской фирмы, сделанную по древним тибетским рецептам, которую он на себе испытал. С БАДами всё более-менее понятно – выпьешь коробочку волшебных пузырьков за 5 тысяч рублей, и организм становится, как у младенца. Главное потом не прекращать процесс. Жена директора, по его словам, в 35 омолодилась до 18-летней (правда показать фото отказался). Вот зубная паста за 700 рублей. Эта паста настолько шикарная, что после чистки ею вырастают новые зубы. А вот пояс универсальный – хочешь радикулит лечи, хочешь целлюлит разгоняй, а можно и так, для красоты носить, поверх дольчэндгабановских брюк. Странно, что у самого директора пузо неприлично выпирает. А вот чудо-расчёска за 3 тысячи рублей. Голова заболела – а

ты почешись и всё пройдёт, а ещё волосы будут расти, новые, шелковистые. Странно, что сам директор седой и лысый. В завершении мы смотрим по DVD фильм про эту могущественную китайскую корпорацию, производящую эликсиры молодости, чудо-чесалки и собачьи пояса. Диск заикается, как зажёванная кассета в старом «Романтике», видеоряд рассыпается. В довершение ко всему со стенда, отклеившись, падает на грязный пол фотография пенсионера-миллиардера. Лекция-надувательство окончена. Кстати, договор можно заключить прямо на месте, если с собой 720 рублей. Но никто почему-то не спешит расставаться со своими рублями.

Если б эту лекцию вела я, то сделала бы всё, чтобы лохи поверили в чудодейственные свойства и пояса, и зубной пасты, и расчёски, и немедленно захотели всё это приобрести. Затянула бы брюхо корсетом, отбелила зубы в стоматологии, сделала укладку в парикмахерской. И такая являла бы собой наглядный пример успешной тибетской медицины. Потом офис. Он должен быть, по крайней мере, красивым и чистым, указка – стильной, видеосистема – современной, диск – качественным. Неужели он, директор, думает, что мы совсем тупые бараны или только что родились. Хочешь обманывать людей и зарабатывать на этом бабки – старайся. Я могла бы, но не буду. Удачного поиска работы, друзья! А встретите этого директора, наваляйте люлей и скажите, что от меня.

Сашка долго угорал, когда я ему вечером поведала эту историю, а потом предложил мне сходить на радиостанцию. У тебя, говорит, язык хорошо подвешен, может, ди-джеем или диктором возьмут. Меня и правда взяли диктором на новости. Помню свой первый эфир. Его было решено провести ночью, потому что если возникнет лажа в эфире, никто этого не услышит (ну или почти никто). В два часа ночи за мной заехал технический директор радиостанции, вытащил из тёплых Сашкиных объятий и притащил в студию. Наушники, микрофон, отбивка – всё, поехали. Я отчитала без запинок. На следующий день (а это было 1 апреля) я уже читала новости в прямом эфире. Потом звонила друзьям-подругам и хвасталась: «Ну, слышали меня сейчас по радио?». А они смеялись: «Да ладно прикалываться, знаем, что первое апреля».

На радио было интересно и весело. Народ свободный и креативный. Казалось, я нашла ту самую работу, о которой мечтала. Постоянные пресс-конференции, презентации, интервью... В перерывах между новостными блоками я бродила по просторам Интернета и там познакомилась с творчеством Эдуарда Лимонова. Я чувствовала, что он мой человек, мы на одной волне. Читая его запоем, поняла, почему некоторые люди мои, а некоторые, даже самые близкие, не мои.

Таким образом я пришла к разделению людей на группы: нормальные, нормальные-сумасшедшие, мыши. Вот пример-

но так. Конечно, каждую группу можно разделить ещё на несколько подгрупп, но это уже мелочи. Если в процентном соотношении брать, то мне кажется, больше всего будет «нормальных» – это люди, для которых не существует полутонов, а есть только чёрное и белое, их цели – просты и понятны, действия – логичны. «Нормальных сумасшедших» – очень мало. Это люди с нестандартным мышлением, с нелогичной логикой, с очень сильно развитой интуицией. Их гений не признаётся, не одобряется обществом (в крайнем случае, признаётся посмертно). Хотя, стоит отметить, что среди «нормальных» немало выдающихся личностей, но ключевое отличие их от «нормальных сумасшедших» в том, что их достижения получают одобрение, а ещё поощряются финансово и морально при жизни. А «мышам» вообще всё пофиг, главное, чтоб колбаса в холодильнике всегда была. И ещё – в классификации людей на группы социальное положение и образование не играет роли, ну, если только отчасти. Вся загвоздка в общении между представителями этих групп заключается в том, что мы (нормальные-сумасшедшие) можем понять и принять людей из всех перечисленных мною групп, а вот «нормальные» только своих понимают. Вот так.

С этого момента я озадачилась тем, чтобы, несмотря ни на что, найти своих людей. В этом мне очень помогла песня Янки «У нас будут дети». Текст песни привожу неслучайно.

Ты знаешь, у нас будут дети
Самые красивые на свете,
Самые капризные и злые,
Самые на голову больные.
Мы их прокормить не сможем,
Все эти голодные рожи,
В возрасте уже около года
По тридцать два зуба у каждого урода.
Чтобы они нас с тобой не съели,
Мы их будем держать в черном теле,
Лупить как сидоровых коз,
И босиком – прямо на мороз!
И вот тогда они будут послушны,
И мир лучше и лучше
С каждым днем будет становиться,
У нас их так много родится...
Мы им игрушек покупать не будем,
Это можно лишь нормальным людям,
А эти дауны схватят в лапы
И будут грызть и кидать на пол...
В школу тоже их водить не стоит,
Тут любой учитель сразу взвоят,
Когда ему в канун восьмого марта
Слегка нагадят прямо на парту...
У них не будет бога, кроме рока,
А самое главное – их будет много,
Я буду их рожать каждую неделю,
Мир станет таким, как мы с тобой хотели...
Нас окружат родственные души,

И мир лучше и лучше
С каждым днем будет становиться...
Мы как тараканы будем плодиться...
Ты знаешь, у нас будут дети
Самые красивые на свете,
Самые капризные и злые,
Самые на голову больные,
Как мы...

Удивительное дело, но все «нормальные» делали акцент на то, что плохая мамаша плохо обращается с детьми. Они не видели в тексте глубокую печаль и горечь одиночества таких, как мы, «нормальных сумасшедших», отказывались понимать, что нам одиноко и плохо в этом большом мире «нормальных» людей. И ключевые слова в этой песне для меня:

Я буду их рожать каждую неделю,
Мир станет таким, как мы с тобой хотели...
Нас окружают родственные души,
И мир лучше и лучше
С каждым днем будет становиться...

Конечно же, утопия. Невозможно нарожать себе подобных и жить в окружении родственных и близких тебе людей, но найти их, общаться, жить, любить их можно. Мой любимый Сашка никак не подходил под категорию «нормальных сумасшедших». Он был «нормальным», и это меня печалило.

На радио объявили кастинг диджеев. Как-то, занимаясь своим обычным делом – сбором новостей, я услышала, что в дверь постучали.

– Я по объявлению. Как можно поговорить с редактором? – спросил молодой человек.

– Он сейчас подойдёт. Проходите. Подождите вот здесь, – я указала ему на диван.

Сама боковым зрением продолжала рассматривать парня-гу. Он скинул с головы глубокий капюшон толстовки. Высокий, худой, чёрные глаза, короткие чёрные волосы, невероятно модные джинсы. Мне он определённо нравился. Видимо, редактору он тоже понравился (хотя не уверена, что из-за модных джинсов и чёрных глаз), так как на следующий день я уже наблюдала его в студии за работой. Он не участвовал в корпоративах, и у меня долго не было возможности познакомиться с ним поближе. Потом я подумала, что глупо вот так вот ждать, когда парень обратит на тебя внимание, и решила действовать сама. Я не стеснительная, совсем нет. Причин зайти в студию было немного, но я их находила. Так мы стали общаться, и чем больше мы разговаривали, тем больше я понимала, насколько он интересный и глубокий человек. Андрей понимал меня, с ним я могла разговаривать на темы, которые были недоступны мне в общении с Александром. Муж просто отмахивался от рассуждений о смысле жизни, о предназначении человека, потому что считал такие разговоры пустыми. Нужно признать, что духовного общения нам

с Сашкой всегда не хватало. И сейчас этот пробел был восполнен ди-джеем. «Будто бы физическая близость может заменить эмоциональную отчуждённость», – как-то сказал Андрей, подтвердив мои опасения насчёт моего духовного отдаления от мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.